

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

5

1961

А. Р. РАХИМОВ

ИЗ ИСТОРИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ВОПРОСА В ТУРКЕСТАНЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

(Введение классового пайка)

В период гражданской войны и иностранной военной интервенции Советское государство осуществило целый комплекс социально-экономических мероприятий (продразверстка, трудовая повинность, национализация мелких предприятий и т. д.), известный под названием военного коммунизма.

Наряду с другими мероприятиями большое значение имели организация централизованного учета и государственного распределения продовольствия, установление монополии на основные продукты питания, передача дела снабжения из частных рук в руки государства.

Декрет СНК РСФСР от 21 ноября 1918 г. «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства» определил основы общегосударственного снабжения в период гражданской войны. Все частные торговые предприятия были национализированы.

Заготовка и распределение продуктов первой необходимости были возложены (декретом ВЦИК от 27 мая 1918 г.) на Наркомпрод РСФСР. Снабжение городского населения продуктами первой необходимости возлагалось на потребительскую кооперацию, подчиненную Наркомпроду.

С октября 1918 г. в РСФСР была введена единая карточная система. Постановлением Наркомпрода были установлены нормы выдачи хлебных продуктов по 4 категориям. В первую очередь продовольствием обеспечивались рабочие, занятые в оборонной промышленности и на транспорте.

В связи с натурализацией разоренного войной народного хозяйства и резким обесценением денег было организовано натуральное снабжение рабочих продуктами питания, мануфактурой и обувью.

Партийные и советские органы Туркестана также проделали большую работу по борьбе с голодом и налаживанию продовольственного снабжения трудящихся республики.

Как известно, буржуазное Временное правительство сохранило в Туркестане порядок распределения продуктов, установленный царским министром земледелия в октябре 1916 г. и лишивший местное население права на получение хлебных карточек.

«Я с 1912 года работал на железнодорожной станции Мургак,— пишет, например, в своих воспоминаниях рабочий Юнус Тахмазов.— Русские рабочие получали 19 рублей 20 копеек в месяц, я получал за ту же работу 12 рублей. Рабочим-мусульманам продовольственных продуктов

также давалось меньше, чем русским, а иногда мы некоторые продукты, как сахар, чай, масло, почти не получали»¹.

После победы Октябрьской революции большевики и Советское правительство Туркестана решительно взялись за ликвидацию неравномерного распределения продуктов среди трудящихся края. Еще 18 ноября 1917 г. Ташкентский Совет предложил продовольственной секции совместно с представителями центрального бюро профсоюзов города выработать план мероприятий по уравниванию продовольственной нормы трудящихся старого города с нормой, существующей в русской части Ташкента².

В конце ноября 1917 г. Исполком Ташсовета принял постановление об отпуске трудящимся старого города продовольствия по нормам, установленным для населения русской части города. Эта инициатива была поддержана всеми местными Советами и профорганизациями Туркестана, и к концу 1917 г. по всему краю были установлены одинаковые нормы выдачи продуктов питания по карточкам для всех трудящихся, независимо от их национальности.

В июне 1918 г. ТуркЦИК издал декрет «Об уравнивании в правах всех граждан республики, путем равномерного распределения хлеба, мануфактуры и прочего продовольствия между всеми гражданами независимо от их национальности»³. Тем самым была навсегда уничтожена дискриминация местных трудящихся в продовольственном снабжении.

Однако некоторые шовинистические элементы, работавшие тогда в продовольственных органах Туркеспублики, пытались саботировать этот декрет. Наркомпрод ТАССР А. А. Казаков отмечал в своем докладе ТуркЦИКу от 28 сентября 1918 г.:

«... Не может быть при осуществлении распределения допустимо деление граждан на два разряда — на граждан первого и второго сорта. В частности, я должен здесь отметить, например, привлечение многих к судебной ответственности Самаркандского городского продовольственного комитета в полном составе, сделавшего распоряжение о раздаче сахара только русскому населению и лишившего права на получение сахара армян, евреев и мусульман»⁴.

Необходимо было пересмотреть и систему выдачи хлебных карточек и способы отпуска продуктов по ним.

С апреля 1917 г. рабочие Туркестана получали хлебные карточки по месту жительства. Поэтому главную роль в этом деле играли квартальные комитеты, а не профсоюзы. С декабря 1917 г. квартальные комитеты Ташкента и других городов республики были реорганизованы, а на предприятиях созданы карточные бюро, куда вошли представители профсоюза данного предприятия и района, работавшие под руководством местных Советов. В городах и рабочих поселках открываются специальные хлебо-продуктовые и мясные ларьки.

Для удешевления помола и выпечки хлеба и пресечения всяких злоупотреблений в этом деле необходимо было национализировать мельницы и хлебопекарни. 27 ноября 1917 г. была реквизирована мельница Первого Ташкентского мукомольного товарищества, в январе 1918 г. —

¹ Воспоминания Ю. Тахмазова, записанные в г. Бухаре, хранятся у автора. — А. Р.

² Г. Рашидов, Ташкентский Совет в борьбе за упрочение Советской власти, Ташкент, Госиздат УзССР, 1960, стр. 78.

³ Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны, Сборник документов, Ашхабад, Госиздат ТуркмССР, 1957, стр. 40.

⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 3, л. 112.

пекарня Куприяниди⁵. В начале февраля 1918 г. по решению Исполкома Ташкентского Совета была национализирована мельница Б. Кричигина, а в феврале-марте были реквизированы пекарни Пятакова, Бишеева, Магулева и др., переданные в распоряжение союза хлебопеков и булочников. Это позволило Ташкентскому продотделу с апреля по 1 июня 1918 г. сэкономить на выпечке хлеба 223 649 руб.⁶ и, следовательно, удешевить себестоимость хлеба.

Бывшие хозяева хлебопекарен всячески старались сорвать выпечку хлеба и вернуть себе пекарни. В одном из актов Ташкентского продкомитета говорилось:

«... Бывший владелец пекарни Пятаков и быв. мастер-пекарь Бишеев, проживающий в расположении пекарни, оказывают влияние на мастеров, тормозят нормальный ход дела. Прошу о том, чтобы их удалили из занимаемых ими квартир»⁷.

В конце марта 1918 г. Ташсовет принял постановление «О высылке Пятакова с территории пекарни». Аналогичные меры были приняты в Кагане, Самарканде и других городах Туркеспублики.

Весной 1918 г. был организован контроль над распределением продуктов. Вместо старых продкомитетов и управ при местных Советах были созданы продовольственные отделы.

Централизация продовольственного дела включала в себя не только сферу заготовок, но и строжайший контроль за распределением. Если в первый период после победы Октябрьской революции Советская власть, осуществив национализацию основных отраслей народного хозяйства, проводила политику, рассчитанную на использование рыночных товаро-денежных отношений, то в условиях развернувшейся гражданской войны и иностранной военной интервенции пришлось запретить частную торговлю хлебом и предметами первой необходимости.

По декрету СНК РСФСР от 21 ноября 1918 г. Наркомпрод получил монопольное право на регулирование торговли продуктами, реквизицию и конфискацию оптовых торговых складов и национализацию торговых фирм.

Прямой товарообмен, который становился единственной (кроме «черного рынка») экономической формой связи между городом и деревней, приводил к сужению сферы денежного обращения. Основная масса товаров стала распределяться без денег.

В условиях гражданской войны резко сократился ввоз товаров из Центральной России в Туркестан, составивший в 1919 г. лишь 20% довоенного уровня. Острая нехватка товаров первой необходимости привела к тому, что с начала октября 1917 г. до 1 ноября 1918 г. стоимостный уровень жизни в Туркестане возрос на 272%⁸.

В этот период Советское правительство Туркестана принимает ряд мер по регулированию распределения продовольственных товаров среди населения. На промышленных и горных предприятиях и на железнодорожном транспорте создаются рабочие кооперативы. Расширяется сеть общественного питания, в первую очередь столовых и питательных пунктов для рабочих оборонных предприятий и их детей. Делаются попытки регулировать рыночные цены на продукты питания⁹.

В целях сосредоточения продовольственных ресурсов в руках социалистического государства и планомерного их распределения были

⁵ Г. Рашидов, указ. соч., стр. 72.

⁶ Ташкентский облгосархив, ф. 10, оп. 1, д. 62, л. 847.

⁷ Там же, л. 292.

⁸ «Известия ТуркЦИКа», 23 ноября 1918 г.

⁹ «Известия ТуркЦИКа», 5 ноября 1918 г.

национализированы предприятия пищевкусовой промышленности. Так, из 189 пищевых предприятий Туркестана в руки Советского государства до конца 1919 г. перешло 145 предприятий¹⁰, в том числе маслособные заводы, рыболовные промыслы, мельницы, макаронные фабрики, колбасные мастерские и др.¹¹

3 июня 1919 г. III съезд КПТ, обсудив продовольственное положение республики, принял резолюцию об организации правильного распределения продуктов среди населения республики по общегосударственному плану, «суживая рядом постепенных и неуклонных мер область частной торговли»¹².

Следуя революционному опыту Центральной России, ЦИК Советов Туркестанской АССР принимает 4 июня 1919 г. два важных декрета: «О хлебной монополии» и «О хлебном классовом пайке».

Для оказания помощи местным продорганам в осуществлении этих декретов партия направила на места более 300 коммунистов¹³. Партийные организации развернули большую агитационную работу, разъясняя населению классовую сущность продовольственной политики Советского государства, значение декретов о хлебной монополии и классовом пайке. Декрет предусматривает дифференцированное распределение хлеба по трем разрядам:

I разряд — 1 фунт печеного хлеба ежедневно:

- а) для лиц физического труда, работающих по найму;
- б) для гарнизонов, не находящихся в зоне военных действий;
- в) для лиц, занимающих такие ответственные посты, работа на которых вызывает сверхурочный труд, особо не оплачиваемый.

II разряд — $\frac{1}{2}$ фунта хлеба ежедневно:

- а) для лиц физического труда, работающих не по найму;
- б) для лиц интеллектуального труда;
- в) для безработных чернорабочих;
- г) для взрослых членов семей I и II разрядов;
- д) для детей-подростков (до 18 лет) лиц всех разрядов, за исключением работающих подростков, получавших по I разряду.

III разряд — $\frac{1}{4}$ фунта хлеба ежедневно:

- а) для всех безработных, за исключением чернорабочих;
- б) для буржуазии¹⁴.

Кроме того, декрет давал право местным продорганам в случае острой нехватки продовольствия уменьшать нормы выдачи пайка для I разряда — до $\frac{1}{4}$ фунта в день, для II разряда — до $\frac{1}{8}$ фунта в день, а III разряду вовсе не давать хлеба.

Несмотря на некоторые недостатки декрета (в нем не учитывалось усиленное питание для детей, на один уровень были поставлены безработные трудящиеся и буржуазия и т. д.), он сыграл большую роль в обеспечении рабочего класса продовольствием.

Открывшийся 30 июня 1919 г. в Ташкенте первый съезд продработников обсудил вопрос «о способах распределения товаров и продуктов» и принял постановление о ликвидации «автономных» продорганов на

¹⁰ А. Ульмасов, Национализация промышленности в Советском Туркестане, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 108.

¹¹ См. «Рабочий контроль и национализация промышленности в Туркестане», сборник документов, Ташкент, Госиздат УзССР, 1955, стр. 126, 171, 173, 182, 188, 195 — 196 и др.

¹² «Туркестанский коммунист», 7 июня 1919 г.

¹³ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 76, л. 22; «Известия ТуркЦИКа», 11 июня 1919 г.

¹⁴ «Известия ТуркЦИКа», 11 июня 1919 г.

железных дорогах, подчинив их единому централизованному распределению.

Во всех городах и рабочих поселках были организованы мясные, хлебные и овощные ларьки. Например, на 15 июня 1919 г. в Ташкенте работало 24 мясных и хлебных ларька, обслуживавших 72 квартала¹⁵; в Мерве работало 4 ларька, обслуживавших 10 кварталов. В марте 1919 г. члены профсоюзов г. Ташкента получили 33 498 хлебных и 94 996 порционных карточек¹⁶, а в августе 1919 г. — 138 тыс. хлебных и мясных карточек, в том числе в старом городе — 48 тыс.¹⁷

Первый съезд продработников Туркестана обсудил и вопрос о снабжении сельского населения товарами первой необходимости и принял следующее постановление:

«Все распределение продуктов, как сельского хозяйства, так и фабрично-заводской промышленности, должно пойти исключительно по двум руслам — в городе по целевому принципу, в деревне путем правильного нормального товарообмена... Товарообмен производится только через заготконторы и кооперативы»¹⁸.

По всей республике было создано более 130 заготконтор. Усиливается деятельность кооперации по налаживанию товарообмена в кишлаке.

По предложению Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР Совет снабжения при Проддиректории утвердил 3 ноября 1919 г. специальную инструкцию о снабжении сельского населения продовольствием и продуктами промышленного производства. За ходом товарообмена стали следить облпродкомы и сельсоветы. 22 октября 1919 г. Совет снабжения вынес постановление о распределении в кишлаке путем товарообмена: масла светлого — 171 700 пудов, черного — 40 300 пудов, мыла — 9570 пудов, жмыха — 100 000 пудов, шелухи — 100 000 пудов¹⁹; 27 октября — о распределении 120 000 пудов рыбы между областями и населением городов²⁰, а 31 октября 1919 г. — о выдаче населению 28 вагонов урюка и 100 вагонов кишмиша²¹.

В целях облегчения материального положения трудящихся и улучшения питания детей 23 декабря 1919 г. был утвержден декрет «О бесплатном питании детей трудящихся и красноармейцев». В декрете говорилось:

«Все предметы питания отпускаются местными продовольственными органами в период с 1 января 1920 года детям трудящихся, занятым по найму, и красноармейцев до 16-летнего возраста бесплатно, по специальным карточкам, за счет государства»²².

Забываясь об улучшении питания детей, Наркомпрод ТАССР открывает с 1 июня 1920 г. в Ташкенте, Самарканде и других главных городах специальные молочные магазины, из которых детям до 3-летнего возраста бесплатно отпускались, кроме молока, следующие продукты: сахару — $\frac{1}{2}$ фунта, сухарей — $\frac{1}{2}$ фунта, муки — 2 фунта, манной крупы — $\frac{3}{4}$ фунта в месяц²³.

¹⁵ «Известия ТуркЦИКа», 24 июня 1919 г.

¹⁶ «Известия ТуркЦИКа», 3 июня 1919 г.

¹⁷ «Известия ТуркЦИКа», 6 сентября 1919 г.

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-31, оп. 1, д. 399, л. 7.

¹⁹ Там же, д. 7, л. 50—51.

²⁰ Там же, л. 59.

²¹ Там же, л. 67.

²² «Известия ТуркЦИКа», 10 января 1920 г.

²³ Ташкентский облгосархив, ф. 10, оп. 1, д. 244, л. 684.

В организации детского питания большую роль играли союзы женщин-работниц и профсоюзы. В распределении продуктов для детей, конечно, не было классового подхода. В постановлении бюро рабочей продовольственной инспекции от 11 мая 1920 г. говорилось: «Дети без всякого различия классовой принадлежности их родителей должны по положению «О детском питании» пользоваться одинаковым пайком. Разница лишь в том, что дети граждан, не отдающих государству своего труда, приобретают паек за плату»²⁴.

Поскольку декрет о классовом пайке от 4 июня 1919 г. часто нарушался на местах, Наркомпрод Туркеспублики вынужден был 27 мая 1920 г. особым приказом вновь подтвердить этот декрет.

Для централизации распределения продуктов питания по краю было создано центральное карточное бюро Наркомпрода ТАССР. Единая карточная система была распространена не только на хлеб, но и на мясо, масло, крупу, чай, соль, сахар, мануфактуру и т. д.

Кроме трех категорий трудящихся, получавших хлебное довольствие, существовали и группы потребителей, получавшие продовольствие в особом порядке, вне карточной системы, — армия, больницы, детские дома, инвалидные дома и т. п. Снабжение их осуществлялось по различным нормам, определявшимся специальными инструкциями.

15 марта 1920 г. Наркомпрод ТАССР издал приказ, согласно которому хлебные карточки стали выдаваться только рабочим, а буржуазия и прочие нетрудовые элементы лишались хлебного пайка. Издание этого приказа было обусловлено острой нехваткой продовольственных продуктов в республике и необходимостью снабжения хлебом растущей Красной Армии Туркестана.

В марте-апреле 1920 г. в Туркестане хлебные ресурсы урожая 1919 г. были почти исчерпаны, а привоз хлеба из Центральной России затруднялся тем, что железные дороги были заняты переброской частей Красной Армии. Поэтому весной 1920 г. в ТАССР усиливается продовольственный кризис, и в некоторых городах были уменьшены выдаваемые по карточкам пайки хлеба. Например, населению Самарканда в первом полугодии 1920 г. выдавалось: риса — по 1 фунту на едока, растительного масла — по $\frac{1}{2}$ фунта, а в последние месяцы — по $\frac{1}{4}$ фунта. Норма хлеба для работников физического труда составляла 1 фунт (для остальных — по $\frac{1}{2}$ фунта), соли — $\frac{1}{2}$ фунта, чаю — $\frac{1}{8}$ фунта, мыла — $\frac{1}{4}$ фунта через 2—3 месяца, спичек — по 1 коробке на карточку²⁵.

В целях улучшения продовольственного снабжения рабочего класса, а также советских служащих в ноябре 1920 г. Совнарком ТАССР учредил при Наркомпроде Комиссию по рабочему снабжению из постоянных представителей Наркомпрода, ЦСНХ, Наркомтруда, Окружного управления путей сообщения, ЦСПС и Опродкомтурка. Она занималась определением порядка и норм продовольственного снабжения рабочих и служащих. По указаниям Комиссии Управление распределения Наркомпрода перевело на ударное снабжение: в декабре 1920 г. — 5219 человек, в январе 1921 г. — 16 992, а феврале — 1662 человека²⁶.

Надо сказать, что в распределении продовольствия в Туркестане имелись различные недостатки. Так, вплоть до начала 1920 г. существовали узковедомственные продорганы на железных дорогах, в горнодобывающей промышленности и т. д., которые мешали друг другу, вместо того чтобы объединить свои усилия. При формировании аппарата рас-

²⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-805, оп. 1, д. 15, л. 4.

²⁵ Ташкентский облгосархив, ф. 10, оп. 1, д. 244, л. 665.

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1943, оп. 3, д. 478, л. 21, 22.

предела вначале были допущены излишества. Так, в Управлении снабжения Наркомпрода было создано 15 отделов, что привело к распылению кадров продработников.

Но в целом государственное распределение продовольствия по классовому принципу полностью оправдало себя.

«Собрать все излишки хлеба в руках центральной Советской власти, — писал В. И. Ленин, — правильно распределить их, это значит сделать непобедимой нашу Красную Армию, это значит окончательно раздавить Колчака и Деникина, это значит восстановить промышленность и обеспечить правильное социалистическое производство и распределение, обеспечить полный социалистический порядок»²⁷.

Благодаря установлению классового пайка, явившегося частью единой системы временных мероприятий военного коммунизма, Советское государство спасло от голодной смерти рабочих промышленности и транспорта, а также нанесло сильный удар по эксплуататорским и спекулятивным элементам, пытавшимся наживаться на голоде и разрухе. Продовольственная политика Советской власти сыграла важную роль в обеспечении победы советского народа над объединенными силами внутренней и внешней контрреволюции как в Центральной России, так и в Туркестане.

А. Р. Раҳимов

ГРАЖДАНЛАР УРУШИ ИЙЛЛАРИДА ТУРКИСТОНДА ОЗИҚ-ОВҚАТ
МАСАЛАСИ ТАРИХИДАН

(Синфий улушни жорий қилиш)

Мақолада гражданлар уруши ва чет давлатларнинг ҳарбий интервенциясининг оғир йилларида ТАССР Коммунистик партияси ҳамда Совет ҳукумати Туркистонда озиқ-овқат масаласини ҳал қилиш учун курашганлиги қайд қилинади. Совет Туркистонида ишчиларни очликдан сақлаб қолиш ва озиқ-овқат маҳсулотларини тақсимлашда синфий улушга (1919) социалистик тартибни ўрнатишнинг энг зарурий тадбири сифатида асосий эътибор берилади.

²⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 525 (подчеркнуто нами. — А. Р.).

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1989

12

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС В ТУРКЕСТАНЕ В 1917—1918 ГОДАХ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

После победы Октября одним из наиболее острых и сложных вопросов, от правильного решения которых зависело отношение к Советской власти широких масс коренного населения Туркестана, был продовольственный вопрос. Достаточно вспомнить ленинское: «Кажется, что это борьба только за хлеб; на самом деле это — борьба за социализм»¹.

Решение продовольственного вопроса в Туркестане в первые послеоктябрьские годы сводилось в основном к преодолению тяжелейшего продовольственного кризиса, порожденного первой империалистической, а затем гражданской войной и иностранной интервенцией.

К сожалению, в исторической литературе данный вопрос еще мало изучен и в значительной степени остается пока «белым пятном». Используя данные недавно открытых для исследователей источников (статистические и архивные материалы, литература 20-х годов), мы попытались несколько восполнить этот пробел.

До Октябрьской революции своего хлеба Туркестану, превращенному в хлопковую базу метрополии, не хватало. Недостаток его покрывался главным образом за счет ввоза из Европейской России, с Северного Кавказа, а также из Персии и Бухары. Даже при хорошем урожае в 1915 г. требовалось ввезти не менее 12 млн. пудов хлеба². Вообще же в дореволюционные годы в Туркестан (главным образом в его основной хлопкосеющий район — Фергану) ввозилось до 20 млн. пудов хлеба³. В свою очередь, продукты животноводства вывозились за пределы Туркестана.

В годы первой мировой войны на военные нужды от животноводства Туркестана было взято больше, чем оно могло дать, в том числе десятки тысяч голов рабочего и продуктивного скота. Вместе с тем с 1915 г. уменьшается привоз хлеба в край, а в 1917 г. недостаток в нем составлял уже более 46,5 тыс. пудов⁴. Цены на хлеб непрерывно росли и это вызывало острое недовольство населения. Еще в 1916 г. по всему краю прокатилась волна продовольственных «беспорядков».

К бедствиям, общим для всей России, в Туркестане летом 1917 г. добавились засуха и неурожай, которые повторились в 1918 г. Это был «страшный неурожай, по размерам, не уступавший тому, от которого в 21—22 гг. так пострадало Поволжье»⁵. Особенно тяжело пришлось населению областей с преобладанием богарных зерновых посевов. Часть пашни оказалась незасеянной. Сокращение посевных площадей в 1917 г. достигло 400 тыс. дес. (в 1916 г. было засеяно примерно 3 млн. дес.).

Население обширного края оказалось перед лицом массового голода. В Чашмаобской волости Самаркандского уезда, например, население уже в 1917 г. питалось похлебкой из люцерны⁶.

В этих условиях происходят сокращение площадей под хлопчатником и переход на посевы хлебных культур — кукурузы, риса, джугары, проса, пшеницы. Однако некоторое расширение площади зерновых посевов далеко не решало вопроса о снабжении Туркестана хлебом, ибо только дехкане, владевшие землей и инвентарем,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 449.

² Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края (Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Закаспийская области) за 1916 г.: По данным текущей статистики. Вып. I. Ташкент, 1916. С. 10—11.

³ Отчет о деятельности Туркестанского Экономического Совета за февраль-октябрь месяца 1921 г. Ташкент, 1922. С. 292.

⁴ Средне-Азиатский экономический район: Очерки по экономике Средней Азии. Ташкент, 1922. С. 43.

⁵ Статистический ежегодник Туркесреспублики. 1917—1923 гг. Т. I. Ташкент, 1924. С. 42.

⁶ Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. Вып. I: Поволостные итоги Самаркандской области. Ташкент, 1924. С. 40.

могли обрабатывать землю под зерновые. Огромная же масса дехкан, большинство чайрикеров и мардикеров, а также горожане нуждались в привозном хлебе⁷.

Переходу от посевов хлопчатника к хлебным культурам в условиях начавшейся гражданской войны способствовало и падение спроса на хлопок в связи с временным отрывом края от Центра вследствие военной блокады. Однако хозяйство, привыкшее в течение нескольких десятилетий работать на внешний рынок, несмотря на нарушение экономических связей, не могло сразу же приспособиться к резко изменившимся условиям.

К этому добавились и ошибки вновь созданного Советского правительства края. 28 февраля 1918 г. в № 37 «Нашей газеты» был опубликован декрет о национализации хлопковой и маслосеменной промышленности (за подписью Председателя Совнаркома Туркестанского края Ф. Колесова). Хлопок, стоявший раньше в три раза дороже самого лучшего привозного хлеба, оказался обесцененным, ибо установленная на него твердая такса не шла ни в какое сравнение с быстро растущими ценами на хлеб.

Именно в этих экономических и последовавших за ними социальных потрясениях многие исследователи 20-х годов видели одну из основных причин широкого размаха басмачества⁸.

Засуха отразилась и на скотоводстве. Урожай трав был настолько незначительным, что в некоторых районах скот еще летом начал страдать от бескормицы. А суровая зима 1917/18 г. и весенняя гололедица привели к краху скотоводства.

События 1917 года даже в сухих статистических отчетах были названы катастрофой⁹. С началом гражданской войны положение еще более ухудшилось. Центр не мог снабдить население окруженного кольцом фронтов Туркестана хлебом (подвоз его извне прекратился совсем), а тем более скот — фуражом. Начался массовый падеж скота — пали сотни тысяч голов, целые стада и табуны. Так, в кочевых местностях Самаркандской области поголовье скота уменьшилось после 1917 г. на 73%¹⁰.

В крае разразился небывалый голод и начались сопутствующие ему эпидемии. Сопоставление данных 1917 и 1920 г. говорит о том, что население Туркестана сократилось более чем на 1 млн. человек¹¹.

Очень большая убыль населения отмечалась в земледельческих районах. Во время переписи 1920 г. здесь было выявлено много совершенно вымерших или покинутых населением, полуразвалившихся кишлаков¹². Так, в Джизакском уезде после 1917 г. бежало или вымерло больше половины населения, причем самой значительной оказалась убыль мужчин в рабочем возрасте.

Но наиболее тяжело события 1917 г., в первую очередь массовой падеж скота, ударили по кочевому населению. Вымирили или откочевывали в неизвестном направлении сотни хозяйств. В «Материалах Всероссийских сельскохозяйственных переписей» говорится: «Из 272 домохозяев осталось 100, а 172 выехали со всем семейством и имуществом и неизвестно вернутся или нет, так как здесь существовать стало невозможно (Ата-курганская волость, аул № 3, колодец Джон-бай-кудук)». «...Из 170 домохозяев в августе месяце оставалось 110, а к моменту переписи (ноябрь) всего 47, а остальные разбежались в разные стороны в поисках средств к существованию (Фисталитауская волость, аул № 5, урочища Учтал и Нармот)»¹³. Таких свидетельств можно привести очень много.

Убыль кочевых хозяйств была неравномерной. Откочевать в пески могли лишь хозяева, приписанные к волостям, расположенным в непосредственной близости от песков. «Среди оставшихся голод и эпидемии разразились со страшной силой. Вымирили целые аулы»¹⁴.

⁷ Федоров Е. К истории Коммунистической партии Туркестана // Коммунистическая мысль. 1926. Кн. 2. С. 74, 77.

⁸ Борисов Н. Октябрь в Туркестане: Отдельный оттиск из журнала «Новый мир» (Ташкент). 1922. № 6—7. С. 20; Алексеенков П. Крестьянское восстание в Фергане. Ташкент, 1927. С. 17, 20; Божко Ф. Гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1930. С. 23; Василевский. Фазы басмаческого движения в Средней Азии // Новый Восток. 1930. Кн. 29-я. С. 126.

⁹ Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. Вып. I. С. 69.

¹⁰ Материалы Всероссийских переписей 1920 г.: Перепись населения в Туркестанской Республике. Ч. I: Поселенные итоги. Вып. V-й: Поселенные итоги Самаркандской области. Ташкент, 1924. С. 20.

¹¹ Подсчет наш. См.: Материалы по районированию Туркестана. Вып. I-й: Сборник статей по районированию Туркестана. Ташкент, 1922. С. 21; Средне-Азиатский экономический район... С. 41.

¹² Материалы Всероссийских переписей 1920 г.: Перепись населения в Туркестанской Республике. Ч. I. Вып. V-й. С. 24.

¹³ Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. С. 8.

¹⁴ Материалы Всероссийских переписей 1920 г.: Перепись населения в Турке-

Смертность среди кочевников-киргизов дошла до 30% взрослого населения, а были районы, где вымерло до 75% жителей¹⁶. Большинство бежавших в поисках заработка и пропитания направлялись в города и к железнодорожным станциям и погибали там от голода и эпидемий.

Полномочный представитель ЦИК Туркеспублики в РСФСР Шакиров в записке на имя заместителя народного комиссара по национальным делам С. С. Пестковского летом 1919 г. писал: «Благодаря преступного отношения настоящего правительства Туркестана по отношению к туземцам, которых оно привело к состоянию полного разорения и массовому неслыханному до сего времени 60-процентному вымиранию, оно заставляет киргиз Закаспийской, Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей искать покровительства у своих киргиз других губерний...

Сообщая Вам об этом, я заявляю, что как Представитель несчастного обездоленного народа, я исполнил свой долг. Чаша терпения переполнилась, необходимо принять самые экстренные меры...»¹⁶

А вот выдержка из телеграммы, подписанной комиссаром продовольствия Туркеспублики 15 мая 1918 г.: «...Ужасы Туркестанского голода затмевают всякий голод Центральной России... в Аулиеата некому убирать пниющих голодных трупов»¹⁷. В судебных органах того времени есть дела по зарегистрированному людоедству¹⁸.

Таким образом, Советской власти в Туркестане в области продовольствия досталось тяжелеее наследие, еще более усугубившееся в условиях гражданской войны и иностранной интервенции. Для выправления создавшегося положения были приняты чрезвычайные меры. Была образована Центральная Комиссия по борьбе с голодом во главе с Т. Рыскуловым, последовало ассигнование 40 млн. руб. на оказание помощи голодающим киргизам¹⁹. Комиссия занималась заготовкой продовольствия, организовывала питательные пункты, бесплатные столовые для голодающих. Одновременно принимались жесткие меры к лицам, виновным в спекуляции продовольствием.

28 (15) января 1918 г. делегаты Краевого крестьянского съезда приняли воззвание ко всему населению о борьбе с голодом. Съезд призвал также к разумной экономии хлеба²⁰.

С июля 1918 г. разворачивается широкая государственная помощь голодающим. В этом деле объединялись усилия комиссариатов Продовольствия, Земледелия, Здравоохранения, Труда, Финансов, Путей сообщения, Краевой Директории по топливу и Совета народного хозяйства. Так, при Наркомздраве и здравотделах на местах создавался институт эмиссаров по борьбе с голодом, организовывались питательные пункты, врачебная помощь и пр.

В 1918 г. через питательные пункты Туркестана прошло 3 млн., а за 5 месяцев 1919 г. — 32 млн. человек²¹.

В июне 1918 г. в Туркеспублику по указанию В. И. Ленина было отправлено 115 вагонов хлеба, что ставило ТАССР на третье место (после Москвы и Петрограда) по количеству хлебных грузов, отправленных из Царькина. Несмотря на огромные трудности, удавалось закупать хлеб и на Кавказе.

Заготовка продовольствия в самом Туркестане велась сначала путем товарообмена — обмена мануфактуры на хлеб и другие продукты²². Позже, в связи с низкой эффективностью товарообмена, пришлось перейти к продовольственной диктатуре, ввести продразверстку. Значительная часть собранных продуктов шла на удовлетворение нужд Красной Армии и пражданского населения, в том числе сельской бедноты.

Продразверстка была мерой экстраординарной, вынужденной чрезвычайными условиями того времени. Однако в ряде случаев она «свелась к форменному грабежу кишлаков». «...Продорганы никакими точными данными не обладали. Определяли размеры разверстки по своему собственному произволу».

«Принимая во внимание отсутствие жителей (или наличие двух-трех древних, не понимающих русского языка старцев), спешку и далеко не всегда наличие дисциплины и сознательности среди красноармейцев отряда... можно себе представить,

станской Республике. Ч. I: Поселенные итоги. Вып. III: Поселенные итоги Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1923. С. 29.

¹⁵ Зуев Д. Д. Ферганское басмачество (1918—1922)//Гражданская война. Т. III: Материалы по истории ферганского басмачества и боевых операций в Бухаре. М., 1924. С. 32.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 56, л. 197, 197об, 200об.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-31, оп. 1, д. 10, л. 72.

¹⁸ Зуев Д. Д. Ферганское басмачество... С. 32.

¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 56, л. 200, 200об.

²⁰ Шмарцев. 1918 год в Туркестане (Хроника событий)//Коммунистическая мысль. 1927. Кн. 5. С. 120.

²¹ Яковенко Л. И. Продовольственная политика Коммунистической партии и ее осуществление в Туркестане (1918—1924). Душанбе, 1974. С. 28.

²² ЦГА УзССР, ф. Р-31, оп. 1, д. 4, л. 35, 42, 61, 66, 69; д. 8, л. 42б.

во что фактически выливался сбор продразверстки и каково было настроение населения по возвращении в свои опустошенные сакли...»²²

Не случайно Д. Д. Зуев, П. Алексеенков и другие указывали на подобные явления как на одну из причин, приводивших дехкан в ряды басмачей²⁴.

Продовольственный кризис продолжался ряд лет. Даже в годы, более благоприятные в сельскохозяйственном отношении, ощущалась острая нехватка продуктов первой необходимости. Получаемый по карточкам хлеб состоял из джугары со всякими примесями²⁵. Предпринимались и попытки заменить хлеб суррогатами из овощей²⁶.

Крайне ограниченными были и другие продовольственные ресурсы. Так, выработка хлопкового масла промышленным путем все время снижалась; с 1917 по 1921 г. она упала более чем в 45 раз²⁷. К тому же имевшиеся запасы хлопкового масла в 1919 г. пришлось пустить на топливо для паровозов (как и сушеную рыбу, жмых, шелуху)²⁸. Это вынуждало население к «хищническому истреблению [хлопковых] семян на выделку ...кустарным способом масла и мыловарение»²⁹. Республика не могла удовлетворить и потребности населения в мясе, молоке, овощах и т. д.

Огромные трудности вызвала доставка продовольственных грузов по железным дорогам из-за гражданской войны и разрухи на транспорте. Кроме того, в условиях голода часты были случаи воровства и массового хищения грузов, вооруженных нападений на составы и произвольного изменения их маршрутов, самостоятельных реквизиций продовольственных грузов служащими железных дорог, мешочничества и пр. Констатируя все это, Всероссийский продовольственный съезд Советов на заседании 21 января 1918 г. принял резолюцию, в которой предлагалось создать контрольные комиссии с вооруженными отрядами для охраны поездов (аналогичное решение принял и Туркестанский краевой продовольственный съезд³⁰). Всероссийский съезд подчеркнул: «Продовольственный вопрос у нас в настоящее время настолько обострился, что заставляет обращать на себя особое, самое серьезное внимание трудового народа, тем более, что от правильного распределения продовольственных продуктов зависит как благосостояние населения, так равно и политические настроения в стране»³¹.

После прорыва блокады Туркестана и воссоединения его с Центром (октябрь 1919 г.) в ТАССР пошли эшелоны с продовольствием и промышленными товарами, а туркестанский хлопок стал поступать на текстильные предприятия России. Огромная помощь РСФСР позволила Туркеспублике быстрее покончить с продовольственным кризисом.

Таким образом, Советской власти в Туркестане с первых же месяцев существования пришлось столкнуться с колоссальными трудностями в области продовольственного обеспечения населения. Но в результате принятия экстренных мер голод был преодолен.

Уже в 1921 г. хлеб выпекался без каких-либо примесей³². Обследование питания населения Туркестана, проводившееся в 1921/22 г., показало, что представители местных национальностей питались лучше, чем европейское население. Когда же голод поразил Поволжье, Туркестан выступил уже как хлебный район, снабжая центральные губернии РСФСР. 10 октября 1922 г. поставлением ТуркЦИКа Центральной Комиссии помощи голодающим была распущена.

Переход к нэпу создал прочный фундамент для решения продовольственного вопроса. Решающее значение имели введение продналога и развертывание товарообмена, что позволило обеспечить население продуктами питания. Так, в 1924 г. запасы пшеницы в государственных и кооперативных организациях Средней Азии составили 4 млн. пудов, что давало возможность удовлетворять даже максимальный спрос³³. В 1925 г. сбор зерновых достиг почти 4,5 млрд. пудов, т. е. на 11% превзо-

²² Зуев Д. Д. Ферганское басмачество... С. 48.

²⁴ Зуев Д. Д. Ферганское басмачество... С. 74; Алексеенков П. Крестьянское восстание в Фергане. С. 17; Васялевский. Указ. статья. С. 128.

²⁵ Билик. Октябрь в Самарканде (По воспоминаниям участника)//Коммунистическая мысль. 1927. Кн. 6. С. 172, 175.

²⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-31, оп. 1, д. 64, л. 162, 163.

²⁷ Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. С. 9.

²⁸ Статистический ежегодник Туркеспублики. 1917—1923. Т. I. С. 14, 67; Отчет о деятельности Туркестанского Экономического Совета... С. 174; Паскуцкий Н. К истории гражданской войны в Туркестане. Ташкент, 1922. С. 6; Ходжаев Ф. Десять лет борьбы и строительства. Самарканд—Ташкент, 1927. С. 20.

²⁹ Статистический ежегодник Туркеспублики. 1917—1923. Т. I. С. 99.

³⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-31, оп. 1, д. 8, л. 41.

³¹ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 101, л. 4, 4об.

³² Питание городского и сельского населения Туркеспублики по данным статистического обследования 1921—1922 гг. Ташкент, 1923. С. 11.

³³ ЦГА УзССР, ф. Р-111, оп. 5, д. 39, л. 348.

шел среднегодовой сбор пяти предвоенных лет. Гололовье крупного рогатого скота, овец, свиней, за исключением лошадей, превысило уровень 1916 г.³⁴

Это был прямой результат огромной работы партийных, советских органов, совместных усилий всех народов страны, их братской взаимопомощи.

Опыт преодоления продовольственного кризиса 1917—1918 гг. в Туркестане представляет и сегодня большой интерес и заслуживает дальнейшего глубокого изучения.

В. А. Семенюта

³⁴ Яковенко Л. И. Продовольственная политика Коммунистической партии... С. 278.

ИЗ ИСТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ХАНАФИТСКОГО МАЗХАБА В МАВЕРАННАХРЕ

Одна из мировых религий — ислам оказал глубокое влияние на историю и культуру многих стран Азии и Африки. Сфера его действия как идеологического фактора до сих пор имеет едва ли не определяющее значение для мировоззрения самых широких слоев населения в мусульманском мире.

Особое место в исследовании становления раннего ислама в Мавераннахре (большая часть современной Средней Азии) занимает изучение религиозно-правовых школ (мазхабов) в исламе. Ханафитская религиозно-правовая школа — один из четырех суннитских мазхабов в исламе. В разработке этого учения, возникшего в Ираке, еще более важную роль, чем сам Абу Ханифа (699—767 гг.), сыграли его ученики — Абу Йусуф Йа'куб (ум. в 795 г.) и Мухаммад б. ал-Хасан аш-Шайбани (ум. в 805 г.). Ханафитский мазхаб получил широкое распространение во многих областях Арабского халифата, в том числе в Мавераннахре. Это объясняется обычно такими чертами данного мазхаба, как гибкость, либерализм, широкое пользование местным обычным правом (адат, урф)¹. Но конкретные исторические условия распространения ханафитского мазхаба в Мавераннахре исследованы еще недостаточно.

В истории Мавераннахра важное место занимают два события — восстание 728 г. в Самарканде и движение ал-Хариса б. Сурайджа в Хорасане и Мавераннахре (734—746 гг.)². Во главе людей, отправленных наместником Хорасана Ашрасом б. Абдаллахом ас-Сулами (727—729 гг.) в Мавераннахр в целях обращения местных жителей в ислам, стоял неараб маула Абу-с-Сайда' Салих б. Тариф³. Проповедь Абу-с-Сайда' в Мавераннахре имела большой успех, и многие приняли ислам. Однако обеспокоенный сокращением доходов казны наместник Хорасана Ашрас нарушил свое обещание не брать подушной подати (джизья) с жителей Самарканда, принявших ислам. Это вызвало восстание, к которому примкнули и сами проповедники. Из их числа были арестованы как самые активные Абу-с-Сайда' и Сабит Кутна, известный поэт, храбрый воин, сторонник мурджиитского учения⁴.

Восстание под руководством ал-Хариса б. Сурайджа, вспыхнувшее в 734 г. в Восточном Хорасане и Мавераннахре, было, очевидно, продолжением самаркандского восстания 728 г. Это видно из того, что ал-Касим аш-Шайбани и Бишр б. Джурмуз ал-Дабби — участники восстания 728 г. — стали одними из главных помощников ал-Хариса б. Сурайджа⁵. Участниками этого движения наряду с арабскими племенами, недовольными политикой наместника, были и прозелиты из местных жителей, доля которых в мусульманской общине все более возрастала.

Как и всякое народное движение в эпоху средневековья, движение ал-Хариса проходило под религиозными лозунгами. О руководителе движения ал-Харисе б. Сурайдже известно, что он был мурджиитом⁶. Его личным секретарем был сам Джах б. Сафван (ум. в 745 г.), глава хорасанских мурджиитов, впервые объявив-

¹ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках (Курс лекций). Л., 1966. С. 137.

² Они описаны акад. В. В. Бартольд в работе «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». См.: Бартольд В. В. Соч. Т. I. М., 1963. С. 247—251.

³ Он известен тем, что в составе посольства ездил в Дамаск к халифу Умару II (717—720 гг.) с жалобой на наместника Хорасана за его несправедливое отношение к новообращенным в ислам и пристрастность к арабам. См.: «История» ат-Табари. Избранные отрывки/Перевод с араб. В. И. Беляева/Дополнения к переводу О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. Ташкент, 1987. С. 172 (в дальнейшем — «История» ат-Табари...).

⁴ «История» ат-Табари. С. 210; Madelung W. The early Murji'a in Khurasan and Transoxania and the spread of Hanafism//Der Islam. 1982. Band 59. Heft 1. P. 33.

⁵ «История» ат-Табари. С. 209, 232, 238, 294, 297.

⁶ Мурджииты — «откладывающие [суждение]». Так называли мусульман, которые, исходя из разных соображений, признали халифом Му'авию, но отказывались

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1994

8

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год.

Ф. Х. НАБИЕВ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ 1921—1924 ГОДОВ

Выдвигая свой план осуществления новой экономической политики (нэп), лидер большевистской партии В. И. Ленин рассчитывал на то, что нэп приведет к быстрому подъему сельского хозяйства, промышленности, торговли, экономики страны в целом и, следовательно, к существенному улучшению материального положения народных масс, прежде всего рабочего класса, а также деревенской бедноты.

Однако этот крутой поворот от проводившейся ранее политики «военного коммунизма», т. е. «штурмовой атаки на капитал»¹, не дал тех результатов, которые ожидались от него, причем в кратчайшие сроки. Поставленная перед нэпом задача оказалась на практике «очень тяжелая, трудная и неприятная»². Для осуществления намеченных целей государству не хватало ни средств, ни кадров, ни терпимого отношения к инакомыслящим. Все мероприятия власти стремились осуществлять директивными методами, «сверху», силовыми приемами, «в темпе», при всемерном давлении на «нэпманов» и «кулаков». Сложившийся уже тогда бюрократический аппарат не был рассчитан на подлинное сотрудничество с широкой общественностью.

Большевистская партия, ее «верхи» не признавали никаких иных партий, никаких оппозиций, а это не давало возможности объективной, разносторонней оценки ситуации, сложившейся в стране в целом, и отдельных ее аспектов, мешало выявлению и устранению допущенных ошибок, упущений, промахов, которые еще более усугубляли то положение, в котором страна оказалась в итоге ожесточенной гражданской войны и ее тяжелейших последствий.

Экономическое и прежде всего продовольственное положение страны еще более обострилось вследствие жесточайшей засухи 1920 и особенно 1921 г. Она тяжело ударила и по земледелию, и по животноводству. Неурожай с особой силой охватил 34 губернии Центральной России, прежде всего зону Поволжья, — огромную территорию с населением до 30 млн. человек³. Десятки миллионов людей оказались перед непосредственной угрозой голодной смерти.

В Туркестане, также разоренном многолетней войной, ситуация была тоже не из легких. Состоявшийся в августе 1921 г. VI съезд КПТ вынужден был отметить в своих резолюциях, что «текущий момент... характеризуется крайним разорением и обнищанием страны» и прежде всего острейшим продовольственным кризисом, отягощенным неурожаями 1920—1921 гг.⁴

¹ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 205.

² Там же.

³ История Коммунистической партии Советского Союза: Изд. 5-е. М., 1976. С. 311.

⁴ Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана (1918—1924 гг.). Ташкент, 1968. С. 116.

Сельское хозяйство края оказалось «в отчаянных условиях»⁵, все его отрасли испытывали «жесточайший кризис»⁶. Съезд подчеркнул, что все это находится в тесной связи с «тяжелыми условиями гражданской войны»⁷.

Однако по сравнению с тем, что испытывали тогда центральные районы страны, охваченные массовым голодом, положение в Туркестане представлялось (во всяком случае, на взгляд из «Центра») гораздо более благоприятным, и решено было, с одной стороны, использовать для борьбы с голодом в России часть ресурсов из Туркеспублики, а с другой, — временно разместить часть голодающих в Туркестане (а также в Сибири и ряде других регионов).

«Сверху» было дано соответствующее предписание руководящим органам Туркеспублики, а они, в свою очередь, направили во все обкомы и облисполкомы Туркестана специальный циркуляр, в котором говорилось, что «после семи лет непрерывной борьбы внешней и внутренней, подточившей основы хозяйственной жизни Советской Федерации, Российскую республику постигло тяжчайшее стихийное бедствие — неурожай, охвативший ряд наиболее хлебородных губерний, в том числе Татарскую и Киргизскую (Казахскую. — Ф. Н.) советские республики»⁸.

В циркуляре отмечалось, что «десятки миллионов трудового крестьянства, тысячные толпы тружеников земли бегут, покидая родные места, оставляя на пути могилы погибших от истощения и эпидемий, в надежде найти хлеб, спасти себе жизнь»⁹.

В этой ситуации возникла необходимость временного расселения части голодающих, в том числе по Туркестану, которому ставилась задача — «принять из голодающих районов до двухсот тысяч душ крестьян, рабочих, их жен и детей». Согласно циркуляру, их решено было разместить прежде всего «среди земледельческого населения Сырдарьинской, Самаркандской и некоторой части Туркменской области»¹⁰.

Эта ситуация резко осложнила и без того тяжелое продовольственное положение Туркестана, хотя в циркуляре он был отнесен к «наиболее благополучным в урожайном отношении областям»¹¹. Конкретное представление об этом дают, в частности, материалы из отчета Сырдарьинской областной комиссии по борьбе с последствиями голода за период с 1 ноября 1922 по 1 июня 1923 г.¹² В отчете отмечается, что «стихийная волна ужасного голода, разросшегося на территории Поволжья, заставила голодных, раздетых и больных людей искать спасения в более сытых и благополучных областях Туркестана».

С весны 1921 г. огромная волна голодающих, «быстро заполняя собой Оренбургские степи, докатилась до центрального уезда Туркестана, оседая большими партиями в Ташкенте».

В силу создавшегося положения одним из нетерпящих отлагательства стал вопрос о расселении голодающих по уездам, в первую очередь по Ташкентскому уезду. Но сделать это было нелегко, ибо и там не хватало помещений, средств, продовольствия, врачей и т. д.

Учитывая все это, власти Туркеспублики стремились при первой же возможности реэвакуировать хотя бы часть голодающих на

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 119.

⁷ Там же. С. 144.

⁸ Известия. Орган ТуркЦИКа. 1921. 11 окт.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² См.: ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 96, л. 262—272.

родину. Уже в 1922 г. началась их частичная эвакуация, но выехали далеко не все. С наступлением зимы и прекращением эвакуации масса голодающих, не имея материальных средств, будучи не в состоянии пока выехать на родину и не получая реальной поддержки от комитетов Помгола, устремилась в центр Туркеспублики — Ташкент как наиболее крупный город края с более или менее организационно оформленным врачебно-питательным пунктом. Так что Ташкенту снова пришлось нести непредвиденные расходы по содержанию вернувшихся из уездов голодающих.

В силу создавшегося положения, ТуркЦИК постановлением от 10 октября 1922 г. за № 126 реорганизовал ЦК Помгол в ЦК Последгол, поставив перед ним задачи не только борьбы с голодом, но и ликвидации его последствий во всех отраслях и сферах жизни республики. На места были даны циркулярные указания о «непременном и регулярном» представлении отчетных материалов о работе, укреплении «живой связи» органов Компоследгола с местными исполкомами и т. д.

Органы Последгола, разумеется, предпринимали определенные усилия по борьбе с последствиями голода. В частности, ЦК Последгола намстил на 1923 г. следующие задачи:

- 1) содействие восстановлению разрушенного голодом сельского хозяйства;
- 2) помощь беспризорным детям;
- 3) помощь инвалидам войны и голода;
- 4) помощь безработным.

Но реальных сил и средств для практического решения этих сложнейших задач у Последгола было очень мало (да и недостатков в работе его органов, как видно из отчета, было очень много). А потому, «ввиду сокращения контингента государственных и местных источников обложения на нужды Последгола», главное внимание его органов рекомендовалось обратить «на широкую общественную помощь всего населения».

Из других документов также видно, что органы, проводившие борьбу с голодом, во многом уповали на «пожертвования граждан и организаций» и даже на такие источники, как «случайные штрафы и проч.»¹³

Разумеется, подобные «источники» не могли дать тех крупных средств, которые нужны были для эффективной борьбы с голодом. Выискать такие средства было очень трудно.

Поэтому главное внимание органов Последгола было нацелено на поиск этих средств. Как отмечается в материалах ЦК Последгола к заседанию Президиума ТуркЦИКа (25 апреля 1925 г.)¹⁴, работа органов Помгола в Туркестане до конца 1922 г. заключалась главным образом в сборе денег и материальных ресурсов и отправке их в прикрепленные голодающие районы — Киргизскую (Казахскую) и Башкирскую республики, причем сборы производились на основании обязательных постановлений ТуркСНК за № 4 и 72 и «вся работа заключалась в техническом сборе этих налогов и отчислений».

С 1923 г. характер работы Последгола резко изменился. На него было возложено также оказание помощи народному хозяйству, причем вместо прежних переводов денег и отправок грузов для использования и распределения их другими аппаратами, теперь приходилось все это выполнять собственными силами и средствами. А между тем на фоне тяжелых последствий голода в Поволжье проявился и мас-

¹³ Известия: Орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа. 1921. 6 окт.

¹⁴ См.: ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, л. 93, л. 93—94.

совый голод в Туркестане, особенно в Фергане (до 500 000 голодающих). частично в Самаркандской области: в уездах Джизакском и Ура-Тюбинском (30 800 человек), в Туркменской области (в горном районе — 6000 человек), в Джетысуйской области (в Копальском уезде — 5000 человек). Кроме того, из голодающих Поволжья в Туркестане осталось: взрослых 23 000 и беспризорных детей — 12 000.

К ним добавились еще 70 000 голодающих в Джетысуйской области, бежавших в свое время от голода в Китай, а затем возвратившихся оттуда «в разоренном, нищенском, голодном состоянии». Обслуживание их во всех отношениях в пути, начиная с китайской границы и до мест «водворения» на постоянное жительство, а затем продовольственная помощь на местах расселения также были возложены на Компоследгол, на что потребовалось много средств.

Сложность «последголовской» работы еще более усугубляется тем, что с отменой обязательного голналога денежные поступления на счета Последгола почти прекратились.

В указанном документе отмечается также, что в работе разных органов власти, в том числе Компоследгола, имелось немало недостатков. Так, «созданные тройки Последгола и уполномоченные при Наркоматах и центральных учреждений ничего существенного не сделали и абсолютно никакой инициативы не проявили, что является результатом небрежного и невнимательного отношения к последголовской работе руководителей этих учреждений, создавших мертвые и безличные тройки, ограничивших свою работу этими назначениями и выделивших в эти тройки слабых и недостаточно ответственных работников».

ИК Последгола просил ТуркЦИК содействовать:

- 1) усилением ассигнований государственных средств;
- 2) вовлечением Наркомпрода в последголовскую работу, передачей на его содержание всех имеющихся в Последголе интернатов и питпунктов;
- 3) вовлечением Наркомзема в последголовскую работу путем передачи ему всего дела восстановления сельского хозяйства и выполнения всех работ в этой области;
- 4) гредением обязательных отчислений с внебиржевых торговых сделок, заключаемых государственными и общественными учреждениями с частными лицами, в размере 1% общей суммы сделки.

Из этого документа также видно, что органы Последгола хронически испытывали острую потребность в материальных ресурсах и денежных средствах, что прежде всего отражалось на степени эффективности их мероприятий по борьбе с голодом.

Надо сказать, что в связи с заменой продпазверстки продналогом, а затем с отменой голналога (т. е. отчислений определенной доли урожая и денежных доходов хозяйств и организаций в пользу голодающих) основным источником получения продовольствия для голодающих практически стал тот продовольственный фонд, который оказывался в руках государства на основе продналога.

Однако в сборе продналога имелось немало трудностей и недостатков, что было обусловлено многими причинами объективного и субъективного характера, а прежде всего, разумеется, тем общим тяжелым положением сельского хозяйства, его жесточайшим кризисом, о котором сказано выше. Немало продовольствия, как уже говорилось, Туркестан должен был отправлять по указанию «Центра» в районы, особенно пострадавшие от неурожая 1920—1921 гг. Естественно, что уже эти обстоятельства объективно затрудняли сбор продналога. Нельзя забывать и то, что в Туркестане гражданская война носила особо затяжной характер, и после официального «победонос-

ного» завершения ее в центральных районах страны в Ферганской долине и других районах края еще продолжалась упорная борьба с «басмачеством». Ожесточенные военные действия велись и в соседних с Туркеспубликой районах Бухары и Хорезма. Все это не могло не отражаться и на политическом, и на социально-экономическом положении в Туркестане. Так что не удивительно, что в вопросах, связанных со сбором продналога, также было немало трудностей.

Вот почему, например, в отчете о поступлении продналога по Самаркандской области за период с 1 октября 1922 г. по 1 января 1923 г.¹⁵ говорится о недостаточном поступлении его, а отсюда — и нехватке ресурсов для «удовлетворения групп, стоящих на госснабжении».

«Слабос», как сказано в документе, поступление продналога заставило местные власти принять ряд дополнительных организационно-административных мер. Так, с 22 сентября 1922 г. был объявлен продмесячник, в который должен был включиться весь «руководящий советский аппарат», обязанный «довести поступление продналога до 100%». Кроме того, во все районы «были назначены для нажима представители от Облпродкома, Облисполкома и Угорревкома»¹⁶.

Специальным комиссиям, созданным по всем уездам области, было поручено «в трехдневный срок» учесть все хозяйства «кулаков-баев», закончить составление списков всех недоимщиков для принятия к ним соответствующих мер. При этом особо отмечалось, что продналог поступает плохо из-за «упорного нежелания» сдавать его со стороны «кулаков-баев»¹⁷.

Все опять-таки сводилось прежде всего к упору на «классовую борьбу», на «козни кулака-бая». Разумеется, такой подход был предвзятым, далеким от объективности, истинных причин, вызвавших острейший продовольственный кризис и массовое голодание населения.

Об этом со всей убедительностью говорят многие документы тех лет. Например, в докладе Ферганского облисполкома за период с 7 декабря 1923 по май 1924 г.¹⁸ оценка текущего момента начинается с констатации факта «разрушенного дехканского хозяйства». Дехканство Ферганы характеризуется как «разоренное, полуголодное», «бьющееся в тисках материальной нужды».

Что же касается, как сказано в документе, «истории возникновения и развития голода в Фергане», то описана она следующим образом.

«Фергана, занимавшая одно из первых мест в отношении хлопковой промышленности, снабжала российский рынок хлопком, производя его в обмен на хлеб. Население, поняв все выгоды засева хлопчатника перед хлебом, обратилось почти исключительно к этой культуре.

Но вот империалистическая война, повлекшая расстройство транспорта, сократившего ввоз хлеба, затем гражданская война, Оренбургский и Закаспийский фронты прекратили совершенно ввоз хлеба в Фергану».

Далее в документе говорится: «Неурожайные 1917—1918 годы по всей Туркеспублике, неурожай в России, голод в Поволжье — дали толчок всем бедствиям. Перед дехканами с очевидной ясностью встал вопрос о невозможности далее продолжать посев хлопчатника и о необходимости обратиться к засеву хлеба».

¹⁵ См.: СОГА, ф. 1685, оп. 1, д. 213, л. 17.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: ФОГА, ф. 121, оп. 1, д. 112, л. 1—31.

Развившееся в 1917—1918 гг. «басмаческое движение», а затем размещение в Ферганской области от 15 до 40 тыс. красноармейцев — «все это в конце концов дало толчок к переживаниям голода». Зимой 1921 — весной 1922 г. волна голода докатилась и до городов, куда хлынули массы голодающих дехкан.

«Ежедневно, — сказано в отчете, — можно было видеть этих киш-лачных дехкан, продающих на базарах самое последнее: одеяла, подушки, халаты, кетмени и прочую домашнюю утварь». И далее следует примечательный вывод: «Вся тяжесть революции Туркестана в период гражданской войны пала на Фергану. Упадок хлопковой промышленности пошатнул все хозяйство Ферганы».

Таковы были истинные причины продовольственного кризиса и массового голода, а не просто «козни бая-кулака».

В сущности этот же комплекс причин, в первую очередь, обусловил и трудности со сбором продналога. Именно в силу этих причин «настроенные русского крестьянства (Ферганы. — Ф. Н.), — как отмечается в этом же документе, — в громадном большинстве оппозиционно. Наблюдаются крикливые толки, недовольство налогами». Между прочим, это было в то время, когда пресловутые «ножницы цен» больно ударили по крестьянскому хозяйству, реальные доходы которого упали ввиду резкого роста цен на промтовары.

Отсюда и «крикливые толки», и «недовольство налогами», еще больше урезавшими фактические доходы крестьян.

Собственно говоря, то же самое сказано и в информационной сводке Самаркандского облисполкома о состоянии дел в этой области на июнь 1924 г.¹⁹, т. е. уже к концу исследуемого нами периода. В сводке говорится, что жизненные реалии того времени «в значительной степени понизили настроение масс по сравнению с прошлым отчетным периодом». «Первостепенной причиной» тому явился «продолжающийся рост цен на продукты и товары первой необходимости». «...Хвосты у кооперативных лавок за сахаром вызывают у потребителей толки о прошлых тяжелых годах и их приближении».

Составители документа с удовлетворением отмечают, что напряженность ситуации не дошла до уровня «контрреволюционных выступлений, восстаний и забастовок». И тем не менее, как видно из документа, положение было таково, что не исключалась возможность «объявления местности на военном положении».

Вместе с тем отмечаются «трения» на почве сбора сельхозналога и недочеты в этом деле. Уисполкому Самаркандского уезда пришлось организовать специальную экспедиционную комиссию «по нажиму на несправных налогоплательщиков».

Надо сказать, что при определении размеров продналога по конкретным хозяйствам нередко допускались всякого рода ошибки, административный произвол, бездушный формализм и т. п. А в результате в вышестоящие органы шел поток жалоб от сельских налогоплательщиков. Неслучайно, например, в справке о сборе продналога по Самаркандской области за период с 1 октября 1922 г. по 1 января 1923 г. особо отмечается необходимость «разобраться во всех жалобах на неправильное обложение и произвести скидки маломощным хозяйствам».

Из этого же документа очевидно, что на урожай дехканского хозяйства накладывали свою руку не только налоговые, продовольственные органы, но и военные организации. Поэтому в справке указывается на необходимость «точно установить количество расписок, выданных войсковыми частями».

¹⁹ См.: СОГА, ф. 1685, оп. 16, д. 10, л. 96—97.

Как видно из многих документов тех лет, тяжелее всего голод отражался на детях, многодетных семьях, сиротах, беспризорных.

Газета «Известия» (орган ВЦИК) писала в октябре 1921 г., что число голодающих детей достигло тогда в целом по стране 4701 тыс.²⁰ О том, как и какие меры принимались для спасения голодающих детей в Туркеспублике, подробно говорится, например, в отчете Комиссии ТуркЦИКа по улучшению жизни детей, направленном 24 апреля 1923 г. в ГуркЦИК²¹.

В отчете отмечается, что первая Комиссия ТуркЦИКа по улучшению жизни детей была создана в июне 1922 г., но «после трехмесячного ее существования без средств, без столов, без дел и без дела» она была распущена в октябре. После этого была создана новая Комиссия, которая стала работать в контакте с ЦК Последгола. Однако вначале вся ее работа «сводилась к посредничеству между разными ведомствами в защиту детских учреждений и отдельных детей».

Первым серьезным мероприятием Деткомиссии было проведение «Недели помощи детям» (в начале ноября 1922 г.), в результате которой деньгами и разными ценностями для детских учреждений было собрано в целом по Туркестану около 450 тыс. руб. Эти средства ушли почти целиком на интернаты для детей голодающих беженцев.

В декабре 1922 — январе 1923 г. Деткомиссия провела работу по изысканию нужных ей средств, используя для этого все способы и возможности, вплоть до коммерческих операций.

За это время голодающим детям, находившимся в ташкентских интернатах, было роздано около 4000 предметов одежды и отдельным детям — сиротам и полусиротам — 400 предметов.

К «Неделе просвещения» Деткомиссия совместно с ЦК Помгола выдала для детских учреждений Наркомздрава и Наркомпроса 16 тыс. аршин мануфактуры.

В апреле 1923 г. «чрезвычайные тройки», созданные на местах согласно постановлению Деткомиссии, провели обследование детских домов и интернатов. По результатам обследований были составлены акты, «рисующие кошмарное положение на местах детских учреждений (голод, нищета, недостаточность воспитательной и медицинской работы)». В Чимкенте 10 работников детских домов во главе с заведующим УОН и санитарным врачом были преданы суду за допущенные злоупотребления.

На местах производились:

а) учет детей голодающих беженцев Поволжья (на предмет эвакуации);

б) обследование и учет всех производственных учреждений при детских домах;

в) всеобщее медицинское освидетельствование детей.

В мае 1923 г. была проведена «Неделя беспризорного и больного ребенка и охраны младенчества и материнства».

Деткомиссия все это время существовала «без всякой государственной помощи» и только благодаря своей инициативе сумела изыскать средства в поддержку детских учреждений в сумме до 1 трлн. руб. (в «совзнаках»).

Внимание центральных органов к Деткомиссии было «более чем недостаточно». Все обращения Деткомиссии к ним «разбиваются об их ведомственный патриотизм и сухие непоколебимые «нэповские» расчеты и соображения, так ярко выявившиеся с созданием... акцио-

²⁰ Известия: Орган ВЦИК. 1921. 5 окт.

²¹ См.: ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 93, л. 127—128.

Черного товарищества розничной торговли «Ларек», когда поговорили, одобрили, похвалили, а на пай или совсем не записались или записались на мизерное ничего не дающее количество».

Нехватка средств не позволила Деткомиссии «убрать с улиц беспризорных детей и устроить их в интернатах».

Деткомиссия с тревогой отмечала в существующих детских учреждениях и у беспризорных детей:

- а) прогрессирующую моральную и умственную дефективность;
- б) не сокращающуюся преступность;
- в) массовую болезненность и истощенность;
- г) массовые беспризорность и нищенство.

Исходя из этого, Деткомиссия требовала:

- расширить на 100% существующие детские больницы;
- открыть за счет государства дом для трудновоспитуемых (протитирующих) девочек на 100 человек;
- в течение ближайших трех месяцев строго воспретить всякое сокращение детских учреждений, как состоящих на госснабжении, так и находящихся на местных средствах;
- ассигновать Деткомиссии денежные средства на отправку детей на родину (пока — по приглашению родных).
- обязать Наркомпрос и Наркомпрод усилить и улучшить свою беспризорностью путем приема детей в существующие интернаты, организации подростков и открытия временно (на 2 месяца) интернатов;
- обязать Наркомпрос и Наркомпрод усилить и улучшить свою работу в детских учреждениях на местах;
- учитывая полезность т-ва «Ларек», предложить ТЭСу распределить в 6-дневный срок между наркоматами и центральными учреждениями 50% всех акций «Ларька» на сумму 50 тыс. руб. зол., а полученные доходы использовать для оказания помощи беспризорным и голодающим детям.

А на первую половину 1924 г. Деткомиссия наметила следующий план работ²²:

1. Ликвидировать беспризорность 1500 детей, для чего необходимо обеспечить на 3 месяца отпуск продовольствия за счет государства, а организацию питательных пунктов и столовых возложить на инспекцию Наробраза при материальной поддержке местных деткомиссий;

2. С наступлением теплого времени отправить на родину оставшихся в Туркестане 600 детей голодающих беженцев, как имеющих родных, так и не имеющих их, для чего необходимы:

- а) установление для них льготного тарифа на проезд;
- б) отпуск денежных средств на оплату проезда, снабжение детей на дорогу продовольствием и обмундированием, что должно было составить приблизительно 150 тыс. черв. руб.

3. Принять радикальные меры к охране и восстановлению здоровья детей, учитывая наличие в республике 7711 туберкулезных и 32 614 ослабленных детей, для чего требовалась организация соответствующего количества детских амбулаторий, временных детских больниц, летних санаториев, колоний, солнцелечебниц и др. На эти цели надо было выделить как минимум 240 180 черв. руб.

4. Усилить культурную помощь детям (развитие спорта, устройство постоянных детских театров и клубов, издание детских журналов, содействие организации пионерских отрядов и др.). На это также нужны были немалые средства.

5. Усилить участие общественности в оказании помощи детям

²² См.: там же, д. 492, л. 15.

на принципах взаимопомощи и самопомощи и прежде всего путем активизации Республиканского Общества помощи детям.

Члены Деткомиссии предпринимали разные меры к вовлечению общественности республики в оказание помощи детям. Так, 2 ноября 1922 г. газета «Туркестанская правда» сообщила, что состоялось узловое собрание железнодорожников Ташкента, обсудившее вопрос об оказании помощи голодающим детям. Из доклада председателя Центральной деткомиссии Сушко они узнали, что в одном лишь Ташкенте тогда насчитывалось 2000 совершенно беспризорных детей, а около 2000 детей в интернатах живут «только немного лучше их». Чтобы одеть и прокормить их в течение зимы и обучить их какому-нибудь мастерству, по словам Сушко, каждому ташкентцу надо было внести сумму, равную среднему однодневному заработку (2 млн. руб. совзнаками). Все участники собрания проголосовали за отчисление из их зарплаты однодневного заработка.

В оказание помощи беспризорным и голодающим детям включились и профсоюзы, бравшие на свое содержание воспитанников детских интернатов и неоднократно отчислявшие разные суммы в помощь голодающим и беспризорным детям²³.

Однако никакая общественная самодеятельность, индивидуальная или коллективная благотворительность не могли заменить постоянное, планомерное выделение крупных государственных материальных и денежных средств на оказание помощи голодающим детям и вообще голодающему населению, а, главное, на быстрейшую ликвидацию коренной причины голода — глубокой хозяйственной разрухи. Только общий подъем экономики, особенно сельского хозяйства, а также отраслей промышленности, производящих продукцию широкого потребления, мог обеспечить успешное решение этих и других острейших социальных проблем.

Но решить сложнейший продовольственный вопрос радикально и быстро не удавалось, а потому власти прибегали к «испытанному» методу силового воздействия. Репрессивный аппарат по указанию «сверху» нацеливался на самые жесткие меры к «боям-кулакам», «мешочникам», «недоимщикам» и прочим «врагам» налоговой и продовольственной политики «государства диктатуры пролетариата». Об этом красноречиво говорит, например, декрет ТуркЦИКа от 28 февраля 1921 г.²⁴, в котором указывалось, что «в целях решительной борьбы с преступлениями в области продовольственного дела, особенно тормозящими и подрывающими заготовительную продовольственную кампанию», необходимо предавать суду трибуналов и их выездных сессий всех виновных в уклонении от выполнения разверсток, сокрытии хлеба и других продуктов; спекуляции продуктами и предметами первой необходимости и мешочничестве; в отказе от подчинения распоряжениям продовольственных органов и т. д.

Как видим, документ этот выдержан полностью в духе «военного коммунизма», когда многие острейшие проблемы власти пытались решать методами «революционного террора».

Но суть-то дела была в общей разрухе, вызванной во многом гражданской войной, и террор, естественно, должного эффекта не давал.

Стране нужно было изобилие продовольствия и товаров широкого потребления, а их производилось очень мало, даже в условиях нэпа, который должен был, по замыслу его инициаторов, обеспечить быстрый подъем экономики и прежде всего сельского хозяйства. Однако даже к 1925 г. промышленное производство было восстановлено лишь

²³ Туркестанская правда. 1922. 9 нояб.

²⁴ См.: ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 33, л. 312.

примерно на 80% довоенного уровня (между прочим, тоже отнюдь не высокого), а площадь посевов в Туркестане была восстановлена всего на 2/3. Еще медленнее шел процесс восстановления довоенного до полного упадка животноводства²⁵.

Состоявшийся в марте 1923 г. VII съезд КПТ вынужден был констатировать, что сельское хозяйство Туркестана «переживает серьезнейший кризис»²⁶, и что нэп, в силу целого ряда причин, не только не улучшил материальное положение широких масс сельского населения, а, напротив, усилил «процесс обнищания маломощного деханства»²⁷.

Таким образом, даже к концу исследуемого нами периода, в итоге семи лет «победоносной пролетарской революции», как продовольственное, так и вообще материальное положение населения Туркестана, равно как и страны в целом, оставалось весьма сложным. Массовый голод, правда, ценой неимоверных усилий и больших потерь удалось преодолеть, но до «всснародного благосостояния и всеобщего изобилия», на которые рассчитывали пошедшие за большевиками в 1917 г. энтузиасты «величайшей революции пролетариата», было весьма далеко.

²⁵ См.: История Узбекской ССР. Том третий. Ташкент, 1967. С. 371.

²⁶ Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана... С. 155.

²⁷ Там же. С. 179.

О. СОБИРОВ, Э. ҚОЗОҚОВ

ДАВЛАТНИНГ ДИНГА, ДИНДОРЛАРНИНГ СИЕСАТГА МУНОСАБАТИ (1920—1924)

Хоразм воҳаси энг қадимдаң йирик маданият марказлардан бўлиш билан бирга энг машҳур диний марказлардан ҳам ҳисобланарди. Хива шаҳри эса диний марказ сифатидаги ўз ўрнини XX аср бошларига-ча сақлаб келди. В. В. Лобачевскийнинг кўрсатишича, Хоразмда 1910 йилда 132 та мадраса ва 2169 анъанавий мактаблар бўлиб, уларда 60 мингдан ортиқ ёшлар таълим-тарбия олаётган эдилар.

1874 йилда Хива шаҳрида тошбосманинг ташкил қилиниши билан 1920 йилга қадар унда 100 га яқин номдаги илмий, диний ва бадий асарлар чоп қилиниши диний ташкилотларнинг — мадраса ва анъанавий мактабларнинг фаолиятига ҳалақит берилмади, аксинча уларнинг мазмунини янада бойитди. Чунки, Хоразм мадраса ва анъанавий мактаблари жаҳон халқлари илмий ва маданий бойликларидан янада кенгроқ баҳраманд бўла бошладилар.

Хива инқилобининг ғалабасидан кейин ташкилотларга, мадраса ва анъанавий мактабларга, мачит ва муқаддас жойларга бўлган муносабатда ўзгаришлар юз берди. Хоразм жумҳуриятининг 1920 йилда қабул қилинган Конституциясида Хоразм Халқ Шўролар Жумҳурияти — миллати, жинси ва динидан қатъи назар барча халқларнинг жумҳуриятидир, — деб кўрсатилган бўлса ҳам инқилобнинг дастлабки йилларида энг катта зарар кўрганлар диний ташкилотлар ва йирик диндорлар бўлдилар.

Хоразм Халқ Шўролар Жумҳурияти (ХХШЖ) даврида халқ оммаси ҳали диний ташкилотлардан муносабатини уза олмас эди. Мадраса ва анъанавий мактабларнинг кўпчилиги ишлаб турди. Диний ташкилотлар, муқаддас жойлар ихтиёрида 180211 таноб ер, 6 та тўқай, 55 та кўл, 14 та савдо саройи, 9 та бозор, 2896 дўкон, 3 та ҳаммом бор эди. Йирик диндорлар Шўролар ҳокимиятидан катта умидвор бўлиб, халқ оммасини диний ташкилотларни қўллаб-қувватлашга чақирдилар. Хоразм Халқ маданияти ва маорифи бўлими қошида вақф бўлими ташкил қилинди.